

Анто
Шугалев.

Психологический
роман

Яна Верзун

ЗАВИСИМЫЕ

МОСКВА
2024

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
ВЗ1

Редактор серии *К. Буянова*

Верзун, Яна.
ВЗ1 **Зависимые** : роман / Яна Верзун. — Москва :
Эксмо, 2024. — 320 с.

ISBN 978-5-04-191105-8

Вероника — дочь известного хирурга, живет в центре Москвы. Больше всего на свете боится набрать несколько килограммов и не взять трубку, когда звонит мама. Мечтает об идеальных отношениях.

В один прекрасный день в баре лучшей подруги она встречает 38-летнего Кирилла, с которым очень легко. Легко переспать, легко поговорить о Кафке — особенно если как следует выпить вина. Пить с ним тоже легко — до беспамятства, так, что даже не помнишь, как он сделал предложение, как состоялась свадьба и путешествие на Бали.

Но оба уверены — это настоящая любовь.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-191105-8

© Верзун Я., 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

Глава 1

Влюбви мало хорошего. Проданная независимость — и только. Вероника обнимала себя за колени и смотрела, как тетя докуривает сигарету. Окурок дрожал в сухих пальцах.

— Милая моя, женщина всегда должна любить мужчину чуть меньше, чем он ее. Всегда. — Тетя взяла конфету «Птичье молоко», понюхала шоколад и вернула в коробку.

В этот момент с балкона раздался мужской голос:
— Кыса, тебе принести сигаретку?

Тетя умерла полгода назад, а ее четвертый муж только на днях завел аккаунт в «Тиндере». Романтика. Вероника увидела профиль дяди, когда создавала новую учетную запись. Парень, с которым она встречалась последние два месяца, улетел в Берлин и перестал звонить. В ожидании нового мужчины Вероника каждый вечер писала диплом в кафе, чтобы повысить вероятность встретить любовь. На «Тиндер» мало надежды: все давно друг с другом переспали.

Было десять вечера, когда Вероника допила кофе и по отражению своего лица в стальной кофемашине поняла: пора уходить. Высокий парень в красной шапке с помпоном открыл дверь и закашлялся. Вероника повернулась в его сторону, сумка выпала из рук — помада, два тампона в розовой обертке и блистер «Цитрамона» оказались на полу. Она наклонилась, чтобы все поднять, и рассмотрела вошедшего парня снизу доверху, начиная с грязных черных кед.

На местного не похож. Вероника жила здесь третий год и знала каждого в лицо. У них в руках вместо телефонов пакетики для утилизации собачьих экскрементов, а в глазах — тоска по нулевым. Она снова открыла ноутбук, с третьей попытки ввела пароль и поправила воротник свитера, под которым чесалась шея. Незнакомец остановился рядом и спросил, где можно зарядить телефон. Мочки ушей выглядывали из-под шапки, как рябиновые ягоды.

— Розетка справа от окна, — сказала Вероника и подвинулась, пропуская парня.

— Вы меня так выручите! Можно, да? Это буквально на десять минут. Машину увезли. Эвакуатор. А телефон разрядился. — Парень снял шапку, положил на стол и наклонился к розетке.

Вероника смотрела, как мужчина в тренче застегивает пуговицы клетчатого жакета своей спутницы. Судя по обуви и времени суток, собираются в театр. Незнакомец в это время включил телефон и уже с кем-то разговаривал.

— Кирилл, — сказал парень, когда закончил беседу, и протянул руку.

— Вероника, — ответила она. — Приятно познакомиться.

Кирилл улыбнулся так, будто только что отыграл сольный концерт в «Олимпийском»:

— Вероника? Странное имя, без обид. Приторное какое-то. И чем вы занимаетесь?

— Диплом пишу. Заканчиваю второе высшее.

— Очень интересно, — сказал Кирилл. — Вы позволите?

Он сел напротив и вытянул длинные ноги под столом. Вероника проговорила про себя тему своей дипломной работы, на всякий случай.

— Какие у вас красивые волосы, — сказал он.

— У вас тоже.

Кирилл провел ладонью по коротким влажным волосам.

— Да вы что? Спасибо. Это вы еще мою попку не видели.

Когда официант поставил между ними бутылку воды и два стакана, Кирилл встал и покрутил попку.

Следующим вечером Вероника включила сериал «Секс в большом городе» с первой серии и, пока Кэрри гуляла по Нью-Йорку, рисовала у зеркала стрелки.

Когда третья серия закончилась, Кирилл заехал за ней на грязной машине без номеров.

Вероника рассматривала Кирилла, пока он постукивал пальцами по рулю. Серебряный крестик в ухе. Голубые глаза. Кепка. Кирилл рассказал, что живет в Москве двадцать лет. Любит Кафку больше, чем Достоевского, хотя Достоевского тоже любит.

Вероника слушала и втягивала живот. Когда по радио сказали, что для похудения нужно есть побольше крахмалистых овощей, Кирилл свернул на набережную. В темной воде свет фонарей искрился, как шампанское в бокале.

Выходя из машины, Вероника наступила в грязь. Выругалась и ударила себя по губам. Когда они спустились в бар, Кирилл поддерживал ее за локоть. Встретили их как будто ждали с самого утра.

— Я же тут живу, через дорогу, — сказал Кирилл и вытер пивную пену с губ салфеткой. — Я тебе не говорил? Нам обязательно нужно зайти ко мне, и не потому, что я хочу затащить тебя в постель. Ты должна увидеть мою библиотеку.

— Да я не то чтобы очень люблю читать, — ответила Вероника.

— Как хочешь, — он поднял стакан с пивом. — За знакомство! Очень рад встрече.

Вероника оглядывалась по сторонам. Знакомые или знакомые знакомых мерещились за каждым столиком.

Официантка унесла меню, но Вероника запомнила названия десертов и теперь пересчитывала в уме дневную норму калорий. Когда телефон в сумке завибрировал, она вздрогнула.

«Ник, я много думал. Отношения на расстоянии — слишком сложно для меня. Давай останемся друзьями».

В полумраке туалета Вероника высморкалась в кусочек туалетной бумаги, накрашила губы помадой в цвет розовых стен и подняла юбку на пару сантиметров выше. Иллюзия того, что ее парень не звонил из Берлина, потому что не мог найти хороший вайфай, осталась в этом туалете.

До дома Кирилла дошли за пять минут. Пока зеленый человечек на светофоре шагал вдаль, Кирилл шепнул на ухо что-то поэтичное. С балкона квартиры виднелась искрящаяся набережная. На полу лежал персидский ковер: белые волосы, хлебные крошки и две зубочистки в темноте было не увидеть.

Кирилл сказал, что ему нужно в душ. Вероника удалила всю переписку с бывшим.

— Вина?

Вероника подняла глаза. Кирилл стоял в коротких шортах и майке с надписью: «Levi Strauss». В нескольких местах она прилипла к наспех вытертому телу. Ноги худые, длинные. В руках бутылка вина и два бокала.

Они помолчали, сделали пару глотков, потом Кирилл сказал:

— Ну, знаешь, я, конечно, понимаю, что у тебя что-то стряслось, но давай или поговорим об этом, или ты поедешь домой. Окей? Какой смысл тратить время друг друга?

В ответ она положила голову на его плечо. Пахло мятным гелем для душа. Кирилл не умел сопротивляться соблазнам, когда они были так доступны, поэтому успел провести рукой по ее бедрам. Через пару минут он протянул ей сигарету — косяк с марихуаной.

— Давай расслабимся и будем материть этого мудака всю ночь. Ты не торопишься?

— Нет, — рука неуверенно потянулась за косяком. — А почему ты решил, что надо кого-то материть?

— Я женат уже девять лет, научился понимать женщин.

Наверное, надо было спросить раньше. Раньше, чем давать номер телефона, идти на свидание и к нему домой, пить вино, курить травку и запускать пальцы в его волосы на затылке во время поцелуя. Диван был таким же скользким, как и его руки. На кофейном столике лежали крем для рук и заколка.

Сериал шел уже третий час. Серия за серией. Титры.

Рассвет она встретила на заднем сиденье такси. Рядом с покрасневшими коленями лежал пакет с бутылкой красного вина и рассказы Кафки в мягкой обложке. После этой ночи пройдет год, прежде чем книжка вернется на полку, с которой ее взяли.

Парень с крестом в ухе не мог заинтересовать девушку с идеальным вкусом, какой себя считала Вероника, но что-то пошло не так. Ей хотелось встретить кого-то вроде Кирилла, пусть даже не его самого.

Когда Кирилл выбирал для нее книгу, он надел очки — круглые стекла в черной оправе — и мог бы

легко сойти за профессора филологии. Показывая свою библиотеку Веронике, он жутко собой гордился, хотя она не смогла оценить полное собрание сочинений Кафки на немецком и Камю на французском.

Все познания Вероники о Кафке сводились к тому, что у писателя были большие уши. У Кирилла тоже.

После той встречи прошел год. Кирилл не появлялся. Вероника окончила магистратуру, устроилась работать на киностудию и стала блондинкой с каре, оставив в салоне копну длинных волос, среди которых два оказались седыми.

Иногда на нее накатывали воспоминания о Кирилле. Услужливая память подтасовала факты, как карты. Расклад вышел таким, что встреча с ним виделась судьбоносной.

Когда у нее было хорошее настроение для прогулки в новом платье по центру, она мысленно представляла их встречу. Проговаривала возможный диалог по ролям, репетировала смех и кокетливые жесты, и походка ее в такие моменты становилась настолько легкой и сексуальной, что, как она потом ни старалась, повторить ее специально не получалось.

Нет ничего удивительного в том, чтобы искать встречи с приятным тебе мужчиной, но когда ты уже в отношениях, это должно настораживать. А у нее были отношения, в которых она старалась придерживаться совета тети. Нельзя сказать, что нынешний мужчина был принцем: его жизненная философия

сводилась к абсолютному гедонизму — так он называл образ жизни миллениала, все счета которого оплачивает мать.

Вероника была не против каждый вечер ужинать в ресторанах, но когда его мама заявлялась к нему домой в субботу утром, это было чересчур. Не так давно входная дверь открылась в тот момент, когда они занимались сексом, но об этом случае Вероника старалась не вспоминать. Не вспоминала она и о том, что ее мужчина имел привычку раз в месяц пропадать на два-три дня. В такие моменты она, вместо того чтобы пользоваться свободой, проводила вечера с бутылкой вина и «Сексом в большом городе», занимаясь негативной визуализацией.

В первую субботу октября Вероника сидела с подругой в баре и пыталась решить важную задачу: выпить еще один олд-фешен или попробовать что-то новое. Шатающийся столик у окна, за которым они сидели, затруднял выбор. Сложно сосредоточиться, когда нет опоры.

Происходящее в баре мало ее интересовало, пока едва различимый голос со стороны барной стойки не заставил обернуться. Кирилл в черной кожаной куртке стоял в десяти шагах от нее.

Вероника снова повернулась к подруге. Сердце выпрыгнуло и упало под стол. Нет, это вилка упала. Кто-то вошел в бар и тут же вышел обратно, впуслав холодный воздух и чей-то смех. Кирилл шел прямо к ней.

— Черт! Я не верю, это правда ты? — сказал Кирилл и потер глаза. — Вероника? Куда ты пропала? Ни разу не позвонила.

— Я тебе писала, два раза, — ответила она, сжимая в руке пустой стакан.

— Да? Я полгода жил в Израиле — ну как жил... Мне нужно столько тебе рассказать! Как Кафка? Теперь понял: ты все это время читала книжку и поэтому не появлялась?

Кирилл наклонился, чтобы обнять Веронику. Куртка холодная, на шапке появились катышки.

Аня, владелица бара и лучшая подруга Вероники, бросила на стол связку ключей и встала:

— Ребят, так не хочется прерывать ваш разговор. Давайте я оставлю вам ключ, и вы закроете бар, когда договорите.

Кирилл потянулся к ней и поцеловал в щеку:

— Ты само совершенство, дорогая! Завезу тебе ключ завтра в десять, окей?

Вероника удивленно посмотрела на обоих:

— Вы знакомы?

— Да, и уже лет... — Кирилл вопросительно посмотрел на Аню, — лет восемь, да?

— Восемь-девять, не помню. Кажется, я знаю тебя всю жизнь.

Кирилл сел напротив Вероники и полтора часа рассказывал о своей жизни в Израиле. Половина истории была вымышленной. В помещении стало душно. Несколько раз почти одновременно они удивлялись тому, что снова встретились, прозвучало слово «судь-

ба». Веронике он задал кучу вопросов: с кем она встречалась, что читала и о чем думала. Никто до этого не спрашивал ее, о чем она думала целый год.

Выпив все коктейли из барного меню, которые они смешивали сами, Вероника поняла, что хочет поехать к нему. Кирилл сказал, что развелся. Хотелось думать, что из-за нее.

Окна черной «Ауди» сразу запотели, когда они сели в такси. Казалось, что пьяными были и водитель, и прохожие, и весь город, размытой картинкой пробегающий за окном.

Во время поцелуя Вероника не закрывала глаза. Она должна была его видеть.

В квартире стало меньше вещей. В ванной остался только шампунь. Вероника воспользовалась им, когда пошла в душ. Она стояла, держась за ручку душевой, чтобы не упасть, и поливала себя холодной водой.

В сознание ее привел голос Кирилла:

— Да сколько можно? Я считаю до пяти и иду к тебе.

Вероника успела накинуть на себя полотенце и встретилась с ним в дверях ванной. Полотенце само упало на пол.

— Так я все себе и представлял. Пойдем полежим? Может, ты хочешь немного вина? Может, еще чего-то хочешь? У меня есть варенье из абрикосов. Купил сегодня у бабушки, когда ехал из деревни. Пойдем выпьем вина и попробуем варенье.

Ночью было жарко, и к утру одеяло оказалось на полу. Вероника попыталась заправить постель, но сил

хватило только на то, чтобы поднять одеяло и бросить на помятую серую простыню. Она оделась и вышла в гостиную.

Развалившись на диване, Кирилл механически нажимал на кнопку джойстика. Он обернулся, два раза стукнул рукой по дивану, приглашая ее присесть, и снова уставился в экран.

Вероника села рядом. На экране было кровавое месиво из оторванных рук и ног. Кирилл был там же: невидимый солдат с безжалостным оружием, которое занимало всю нижнюю часть телевизора. Повернулся он только тогда, когда Вероника дотронулась до его руки. Кирилл нажал на паузу — изображение остановилось. Погладил ее по волосам, предложил кофе. Она ждала другого предложения, поэтому первая потянулась к нему, обняла и поцеловала. Через сорок пять минут она должна будет сидеть в кабинете стоматолога, но лучше опоздать, чем уйти сейчас, когда их связывает только утреннее похмелье.

Пару раз, открывая глаза, чтобы убедиться в реальности происходящего, она смотрела на изображение на экране. За ними подглядывали?

Когда Вероника выходила из квартиры, поправляя растрепанные волосы, раздался выстрел.